

Светлана
ДЕМИДОВА

*Любовь к роковым
мужчинам*

Светлана Демидова

Любовь к роковым мужчинам

«Автор»

2012

Демидова С.

Любовь к роковым мужчинам / С. Демидова — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-55123-1

Когда Майя узнала, что у ее мужа есть любовница, для нее рухнул мир. Но это было лишь вершиной айсберга, а неприятности еще только-только начинались. Вскоре Майе предстоит почувствовать, чем приходится платить за любовь и сколь высока бывает цена, когда речь заходит о роковых мужчинах.

ISBN 978-5-699-55123-1

© Демидова С., 2012

© Автор, 2012

Светлана Демидова

Любовь к роковым мужчинам

* * *

Никогда еще Майя не собиралась на встречу с таким тщанием, как в этот день. Даже когда ее муж Роман считался только женихом, она не тратила столько времени на подбор наряда и макияж. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Не каждый день назначает свидание любовница мужа.

Любовница! Любовница... Лю-бов-ни-ца. Любовница!!!

Майя произносила это слово на разные лады, перекатывая его звуки во рту, будто ледышки или ментоловые леденцы. Они слегка охладили, но таять не собирались. Слово так и оставалось на языке. Его было ни проглотить, ни выплюнуть, ни запихнуть за щеку, чтобы забыть хотя бы на время. Неужели она теперь будет вынуждена всегда мучиться этим словом? Да только ли словом?

Нельзя сказать, что Майя даже не подозревала о наличии у Романа любовницы. Она подозревала. Более того, была почти уверена в том, что муж ей изменяет. Почему почти? Да потому что если поверить в это окончательно и бесповоротно, то лучше уж и не жить... Майя могла бы даже сказать, когда у мужа любовница появилась. Примерно полгода назад. Сейчас заканчивается июнь, а зимой, почти сразу после встречи Нового года, она заметила в поведении Романа некоторые странности. Он всегда был несколько гневлив. Но, отгнавшись и отругавшись, обычно быстро успокаивался и непременно просил прощения с самым покаянным видом. Майя охотно прощала, и после таких маленьких ссор они проводили особенно упоительные ночи. Теперь же гнев Романа частенько бывал уж вовсе беспричинным, успокаивался муж далеко не сразу, да и шикарно извиняться перестал. Так, буркнет что-то вроде «ладно, забудем», и дело с концом. Майе казалось, что она начала его раздражать. Кроме того, Роман стал часто задерживаться на работе, которая раньше не задерживала его никогда. Что может быть причиной такого поведения? Не что, а кто! Любовница...

Впрочем, хотелось думать, что у Романа не любовница, а любовницы. Любовница в единственном числе более страшна, чем многочисленные дамы разового использования. Если женщина постоянно одна и та же, значит, сильно взяла за душу. Значит, во главе угла вовсе не постель... Хотя... откуда ей, Майе, знать, что у Романа во главе угла. Если взять ту же постель, то... То что?! А то! Все у них всегда в постели было в порядке. А если не в порядке, то она даже не догадывается, что именно! Конечно, Майя заходила в Интернете на специальные сайты, чтобы понять, что у них с мужем в интимных отношениях выпадает из нормы. Выходило, что ничего не выпадает, а даже наоборот – идет вразрез с общепринятым, что должно ее мужчину постоянно бодрить, возбуждать и заставлять желать собственную жену днем и ночью. Собственно, Роман ее всегда и желал. На отсутствие интереса к ней, как к женщине, Майя не могла бы пожаловаться и сейчас. Хозяйкой она тоже была нормальной. Конечно, не скребла квартиру в любую свободную минуту и не вылизывала каждый угол до медицинской стерильности, но в их доме всегда достаточно чисто и прибрано. Муж неизменно бывал сыт, а рубашку каждый день менял на свежую, качественно отглаженную. Сына Кирюху Роман искренне любил и с самого младенчества занимался с ним в охотку. Теперь же, когда сыну уже пятнадцать, они с отцом большие друзья.

Подруга Зойка, с которой Майя поделилась опасениями на предмет возможности мужниных измен, тут же, не желая вникать в детали, предложила хорошо зарекомендовавшее себя старинное русское средство под названием «клин клином». По мнению Зойки, Майя при этом

ничего не потеряет, даже если Роман вдруг окажется перед ней кристально чист, что вряд ли, поскольку определенная степень кобелиности заложена во всех мужчинах природой. Майя, заведя себе любовника, только приобретет новые приятные впечатления, а об ощущениях уж и говорить не приходится.

Майя понимала, что завести любовника, даже исключительно в благотворительных целях возвращения в семью гипотетически блудного мужа, не сможет. Она любит Романа. Слишком любит. К своим сорока годам он уже не так хорош собой, как в молодости, но Майе милы и его уже значительно поредевшая и поседевшая шевелюра, и даже небольшое брюшко, на котором всегда расстегивается любая рубашка с самыми тугими петлями. Она сама поражалась тому, что какой-нибудь до боли знакомый жест Романа или всего лишь поворот головы по-прежнему рождает в ней сладкую дрожь, истому и горячее желание прижаться к нему всем телом и немедленно ощутить на своих губах его губы.

И вот теперь выяснилось, что любовница у Романа не гипотетическая, а самая что ни на есть реальная. И зовут ее не как-нибудь, а Инессой. Эта Инесса позвонила Майе на домашний телефон и сразу представилась:

– Здравствуйте, Майя Александровна! Меня зовут Инесса. Я любовница вашего мужа.

Разумеется, на несколько мгновений Майя потеряла дар речи, но быстро собралась и совершенно спокойно спросила:

– И чего же вы хотите, уважаемая любовница моего мужа?

– Так уж и уважаемая? – вопросом на вопрос, с большой издевкой в голосе ответила Инесса.

– Конечно! Раз мой муж обратил на вас внимание, значит, вы непременно должны быть уважаемой.

– Хороший ответ. То есть наличие у вашего мужа любовницы само по себе вас не смущает?

– А вы позвонили мне, чтобы узнать именно об этом?

Некоторое время в трубке молчали. Тишина была такой напряженной, что Майя поняла: разговор развивается не по тому сценарию, который наметила Инесса. Обманутая жена мысленно похвалила себя за то, что сбила любовницу собственного мужа с намеченного пути. Очень важно вовремя деморализовать противника. Она смогла! Перейти, что ли, в наступление? Пока Майя раздумывала, с чего лучше начать, Инесса пришла в себя и опять начала наступать, очевидно, тоже понимая, что козыри всегда у того, кто впереди на лихом коне:

– Ну... раз вы не потеряли самообладания, значит, нам с вами легче будет договориться. Не находите?

Майя не находила. Она бы с большим удовольствием бросила трубку и уговорила себя, что разговор с любовницей Романа ей только почудился, но понимала, что делать этого нельзя. Сколько ни прячь голову в песок, все остальное будет вызывающе торчать, смешить окружающих и радовать любовниц мужа. То есть... любовницу... Похоже, она все же существует в единственном числе...

– Думаю, договариваться нам с вами не о чем, – ответила Майя. – Я могу вас только выслушать, раз уж вы позвонили.

– А я уверена, что нам есть что обсудить, и потому предлагаю встретиться сегодня в восемнадцать тридцать в кафе «Сирень», напротив вашего дома. Роман Сергеевич вернется домой поздно, поскольку на восемнадцать ноль-ноль у них в фирме назначено какое-то очень важное совещание. Мы вполне успеем поговорить до его возвращения в ваши объятия.

Майя вспомнила, что Роман сегодня утром говорил об этом совещании, но она не очень поверила. Зачем назначать совещание вечером, если утром на свежую голову все соображают лучше! Оказывается, говорил правду. Вот ведь... теперь и не угадаешь, где правда, где ложь... Впрочем, во всем самом отвратительном надо искать положительную сторону. Ну и где же

тут положительное? Как это где! Вот же оно, лежит на поверхности: теперь не надо мучиться сомнениями – есть у мужа любовница или нет. Теперь можно просто упиваться своим горем без всяких сомнений.

– Я не приду, – сказала Майя и хотела отключиться, но Инесса опять успела это сделать первой, заявив напоследок:

– Придете, никуда не денетесь! Жду вас в восемнадцать тридцать в «Сирени»!

В раздражении Майя резко шмякнула трубкой о телефонный аппарат и опустилась на диван, скрестив ноги и руки, будто этим могла отогнать от себя нечистую силу в лице Инессы. Конечно, уже понятно, что так просто ее не отгонишь. Идти или не идти в «Сирень» – вот в чем вопрос! Пожалуй, лучше пойти и выслушать эту особу. В знании – сила! Предупрежден – значит вооружен! Да, а вдруг она сообщит нечто такое, что вообще выбьет почву из-под ног? А что может выбить у нее почву? Да ничего, кроме принудительного расставания с сыном. Но на это Инесса не пойдет. Зачем любовницам чужие сыновья, особенно пятнадцатилетние? Им лучше постараться организовать собственного ребенка!

Вот! Эта самая Инесса наверняка уже все организовала и хочет сообщить, что беременна! И как же к этому отнестись? А никак! Нейтрально! Поздравить и сказать, что Роман Инессиного сына никогда не оставит. Или не сына... дочь... Какая разница, кого... Инесса думает, что после такого сообщения жена соблазненного ею мужа примется стенать и рвать на себе волосы, а не тут-то было! А что, она и впрямь не станет? Конечно, не станет! Что это рванье изменит-то? Ничего. Разумеется, ей, Майе, будет очень неприятно, если любовница мужа и впрямь окажется беременной, но она перенесет это с достоинством. Она никогда не откажется от Романа! Никогда! Она его любит! Любим! С выводком любовниц или с одной-единственной, вместе с их детьми или без оных! Она примет все! Все... лишь бы муж остался с ней... Интересно, а есть что-нибудь такое, чего она принять не в состоянии... Похоже, что нет... Ничего нет...

Когда до встречи оставался час, Майя долго решала, поест ли ей или не стоит? Все-таки они встретятся в кафе... надо будет что-то заказать... Потом все же решила поужинать дома, пообедать она как-то забыла. А перед Инессой некрасиво выглядеть голодной! В кафе можно взять только кофе... ну и еще, как сейчас модно... свежавыжатый сок...

Оставив Роману овощное рагу с мясом, Майя быстрехонько разогрела на сковородке остатки вчерашних макарон, посыпала их толстым слоем сыра, утолила голод и вся отдалась подготовке к встрече. Выглядеть надо сногсшибательно. Она не какая-то там расплывшаяся домашняя клуша в седоватом перманенте и облупленных ногтях. Она в свои тридцать восемь еще о-го-го!! Пусть любовница увидит, какой нестигаемой красоткой является настоящая жена! Пусть помнит: сегодня ты любовница, а завтра – опять никто, ибо у жены всегда масса преимуществ! Это ж каких? А таких! Во-первых, жена куда лучше любовницы знает, что любит ее мужчина, а что терпеть не может. Во-вторых, жена готова очень многое стерпеть, а любовница... А что любовница? А любовница терпеть вообще не умеет, раз назначает встречу. Куда логичнее, если бы встречу назначила обманутая жена. А раз это делает любовница, значит, у нее земля горит под ногами, значит, ей мало того, что имеет... Ведь давно известно: лучшее – враг хорошего! Довольствовалась бы тем, что есть, – не потеряла бы, что имела! А разве она потеряла? Нет! Но вполне может потерять! Главное для Майи – правильно себя повести. Сразу дать понять Инессе, что побежденной она себя не чувствует! Можно даже намекнуть этой даме, что загулы Романа Сергеевича – дело настолько обычное, что уже давно ее не смущают. Погуляет, погуляет блудный муж, да и вернется под крылышко к жене, ибо лучше ее все равно никого нет – проверено неоднократно. Ну... как будто бы...

На этом месте душераздирающих размышлений у Майи так свело скулы от боли и так остро захотелось разрыдаться, что она поспешила к шкафу. Оно и неудивительно. Чем женщины могут отвлечься от горьких дум? Давно известно – шопингом или примеркой уже имеющихся туалетов! Поскольку на поход в универмаг времени нет, Майя принялась перебирать

свои наряды. В конце концов выбор был остановлен на шелковом платье глубокого шоколадного цвета с золотистым отливом. Оно очень подходило к Майиным темно-карым глазам и красиво контрастировало с русыми волосами сладкого медового оттенка. Крупные дизайнерские украшения из тускло-желтого сплава, которые Майя купила на одной из ювелирных выставок, замечательно дополняют образ.

Перед самым выходом из дома она бросила на себя взгляд в зеркало в прихожей и осталась довольна. Из прозрачно-стальной глубины ей подмигнула элегантная женщина с красиво очерченным ртом, длинной шеей и тонкой талией. Ног в зеркало было не видно, но Майя и так знала – они у нее очень неплохой формы и в меру длинные.

* * *

Инессе Майя увидела сразу. Та сидела за столиком в углу зала, лицом ко входу. Разумеется, она оказалась брюнеткой. На ком еще может остановить взгляд мужчина, у которого жена почти блондинка? Конечно, на темноволосой и светлоглазой! Хотя... говорят, что мужчины западают на женщин строго одного типа... Впрочем, это, видимо, не про Романа. Инесса была коротко стриженной брюнеткой с зеленоватыми глазами. Она в отличие от Майи явно не собиралась поразить своим туалетом, поскольку надела безликую светлую футболку. Ее нога, выставленная в проход, была обтянута узкой штаниной обычных черных джинсов и обута в белую кроссовку. Майе сразу стало неловко за туфли на шпильках, театральную сумочку-клатч и особенно за крупный кулон, который почему-то вдруг показался вычурно-дешевой побрякушкой. Желая хоть на время скрыть нелепое украшение от глаз Инессы, Майя положила на него растопыренную пятерню, буркнула приветствие и опустилась на стул напротив любовницы своего мужа.

Инесса кивнула, при этом на ее высокий смуглый лоб самым изящным образом упала прядка прямых блестящих волос. Майе опять сделалось стыдно за излишне круто (как теперь казалось) завитые локоны. Она отбросила их за спину и, чтобы прервать молчание, произнесла:

– Я вас слушаю.

Инесса сделала глоток сока, судя по цвету, апельсинового, и, вместо того чтобы начать разговор, спросила:

– Закажете что-нибудь? – Не дожидаясь ответа, она жестом подозвала молодого симпатичного официанта с кокетливо завязанным шейным платком.

– Кофе, – заказала Майя. – Эспрессо. – Сок она просить не стала, чтобы ни в чем не походить на Инессу, и снова обратилась к ней, как только молодой человек ушел: – Я вас слушаю.

– Я вас другой представляла! – Инесса опять сказала совершенно не то, чего ожидала Майя. – Вы очень красивы.

– А вы, наверно, думали, что изменяют только полным страхолюдинам? – отозвалась она, не сумев сдержать горечи.

– Честно говоря, я старалась вообще о вас не думать. Только сейчас, ожидая, представила, какую женщину увижу перед собой. Но вы – другая...

В этот момент на удивление расторопный официант поставил перед Майей чашку кофе. Она машинально поблагодарила и уже с раздражением в голосе попросила:

– Давайте перейдем к делу. Вы ведь хотели мне что-то сказать!

– Да, хотела... – Инесса опять кивнула. Прядка волос на ее лбу вздрогнула и расположилась еще более комфортно, но женщина легким жестом откинула ее наверх и заявила: – Более того, я хотела бы иметь вас в своих союзниках.

Майя, которая в этот момент поднесла ко рту чашку, от неожиданности сделала излишне большой глоток, обожглась и, с трудом проглотив огненную жидкость, с удивлением спросила:

– Это в каком же смысле? Зачем?

– Затем, что с Романом Сергеевичем происходит нечто странное...

Инесса замолчала. Ловко перебирая пальцами, она принялась так быстро крутить перед собой стакан с соком, что оранжевая жидкость начала взбулькивать, биться о стенки и грозила выплеснуться на стол. Майя поняла, что любовница мужа не собирается говорить ни о наличии детей от Романа, ни о беременности, поскольку странным такое положение дел назвать никак нельзя, и испугалась до испарины. Она отерла повлажневший лоб, еще раз сделала хороший глоток кофе, опять обожглась и уже практически взмолилась:

– Скажите же наконец, в чем дело!

Инесса оставила в покое стакан, кивнула и, не глядя на Майю, ответила:

– Понимаете, я совершенно случайно увидела у Романа паспорт на другое имя. Старый... советский еще... Но они еще действуют, я узнавала... Выхать с ним, конечно, никуда нельзя, но жить с таким можно...

– Чужой паспорт? И что? – Майя ничего не поняла.

– Это не чужой паспорт...

– В смысле?

– А в том смысле, что на этом паспорте с чужим именем вклеена фотография Романа... Он там, правда, юный, но... узнать можно... Тот, кто его хорошо знает, не ошибется...

– Как? – Майя задала вопрос машинально, толком не осознавая, что хотела спросить. Какие-то паспорта... фотографии... При чем здесь все это, когда ей самым вульгарным образом изменяет муж?!

– А вот так: в паспорт на имя Каплуна Никиты Евгеньевича вклеена фотография Романа Сергеевича Савельева. Можете предположить, что это значит?

Майя потрясла головой, чтобы отогнать мысли об измене Романа и о том, что приходится разговаривать с его любовницей, поскольку до нее наконец начал доходить смысл сказанного. У Романа два паспорта... один – настоящий, другой – на имя какого-то Каплуна... Почему? Зачем? Может ли она что-то предположить? Конечно, не может... Два паспорта – двойная жизнь? А с Инессой – третья? Нет, такое просто невозможно! Майин муж, конечно, служит в серьезной фирме, занимающейся покупкой и продажей земли, но его должность начальника одного из отделов никак не предполагает наличия нескольких паспортов... А какая должность предполагает наличие нескольких паспортов? Да никакая не предполагает... Впрочем, должность тут, похоже, вообще ни при чем. А что при чем?

От этих неприятно-бессмысленных размышлений Майю оторвала Инесса, которая констатировала:

– Я так понимаю, что ничего предположить вы не можете...

– Не могу, – вынуждена была согласиться Майя.

– Я тоже. Сначала хотела спросить Романа напрямую, в чем дело, но он подумал бы, что я рылась в его карманах. На самом деле паспорт сам выпал из пиджака, который он небрежно бросил на подлокотник кресла. Конечно, я могла бы паспорт не открывать, просто сунуть обратно в карман... На что мне там смотреть, если я все и так знаю! Наверно, меня подтолкнуло его открыть именно то, что он старого образца. Вот ведь говорят: многие знания – многие печали... Лучше бы ничего не знать! С другой стороны... – Инесса посмотрела в самые глаза Майи и продолжила: – Что-то ведь с Романом происходит не то... что-то нехорошее... Он нервный какой-то стал, издерганный... А тут еще второй паспорт... А мы с вами обе... любим Ромку... ну, я так думаю... значит, должны как-то в этом разобраться... помочь ему, если удастся... Вы можете что-то предположить на предмет второго паспорта? Ну и вообще... Отчего он дергается?

Майя тянула с ответом, поскольку никак не могла сообразить, что сказать. На нее одномерно свалилось слишком много: и сама Инесса, и странный паспорт с фотографией Романа... Она четко понимала только одно: все остальные напасти, включая паспорт на чужое имя, для

нее не стоят выеденного яйца по сравнению с наличием у мужа любовницы, приятной во всех отношениях. Ей было бы легче принять тот факт, что Роман является агентом самой что ни на есть вражьей державы, чем представлять его в объятиях другой женщины. Но есть и другая женщина, и другой паспорт... Что со всем этим делать, Майя не знала.

– Вижу, вы растеряны, – сказала Инесса.

– Более чем... – отозвалась она.

– Я вообще-то тоже... Хотелось бы знать, кто этот человек на самом деле: Роман Савельев или Никита Каплун...

– Я выходила замуж за Романа Савельева. У меня это и в паспорте записано...

– И никогда никаких странностей за Романом не замечали?

– Нет... не замечала... Нашему браку уже более пятнадцати лет. Я непременно заметила бы, если бы... – Майя не договорила. Она вдруг подумала, что многого не знает о своем муже. Они никогда не ограничивали свободу друг друга. Роман всегда спокойно отпускал ее на встречи с подругами. Она довольно часто ходила без него в театры и на выставки, поскольку муж такое времяпрепровождение не очень любил. В ответ Майя никогда не запрещала ему встречаться с друзьями, ездить на рыбалку, посещать хоккейные и футбольные матчи. А на рыбалке ли он бывал? На хоккее ли? Почему она всегда так безоглядно верила ему? Да потому что любила! Ей казалось, что он любит ее тоже. И только этой зимой, заметив возросшую раздражительность и гневливость мужа, связала это с появлением у него другой женщины. Но при чем тут второй паспорт на чужое имя?

– Скажите, Инесса, – не без труда произнесла Майя, – когда началась ваша связь?

– Два года назад, – ответила та.

Майя почувствовала, что тело сделалось ватным, координация движений нарушилась. Она хотела потереть как-то вдруг странно занывший висок, но промахнулась. Пришлось поправить прическу, чтобы Инесса не заметила ее состояния. Два года... Роман уже два года изменяет ей, а она ничего не замечала вплоть до нынешней зимы... Ничего... Как же такое могло случиться? Разве так бывает, что можно не заметить предательства? Значит, бывает... С ней же случилось... Но почему именно с ней? Или это случается со всеми? Неужели во всех браках кто-нибудь кому-нибудь изменяет? Нет! Женщины на такое не способны! Или способны?

– А вы замужем, Инесса? – спросила Майя.

– Ну... да, – чуть задержавшись с ответом, отозвалась та.

– И как же?

– Что «как же»? – В голосе соперницы наконец послышалось раздражение.

– Вы разлюбили своего мужа?

– Разлюбила.

– Разлюбили, когда... Романа полюбили?

– Да, все было примерно так. Но речь сейчас не обо мне и не о моем муже. Речь о вашем. С ним что-то происходит! И я предлагаю вместе разобраться в этом!

– Но что мы можем? – искренне удивилась Майя, неохотно прекращая разговор об Инесином муже.

– Надо подумать... нам обеим... Знаете, я попробовала назвать Романа Никитой. Будто бы случайно. Будто бы оговорила после общения по телефону с мужем подруги. Понимаете, Майя, он вздрогнул! Некрасиво так... жалко... Он явно испугался... и после этого очень быстро распрощался со мной и ушел. С тех пор мы больше не встречались. Он уклоняется от встреч под разными предлогами.

То, что муж уклоняется, Майе не могло не понравиться. Понравилось. Очень. Она даже начала так:

– Может быть, он уклоняется, потому что...

– Нет, не потому! – резко оборвала ее Инесса. – Он любит меня, я знаю. Никто никогда не ошибется в том, любят его или нет...

Майя выразительно хмыкнула:

– Как выяснилось, ошибиться очень даже просто. Особенно если очень хочется ошибиться... Вернее, если очень хочется верить в чью-то любовь...

– Бросьте! Не могли вы за два года не почувствовать охлаждения мужа! Вы просто держите передо мной лицо! Это похвально, но в конкретных обстоятельствах – совершенно лишнее! Если мы хотим помочь Роману, то должны быть абсолютно откровенны друг с другом!

– А я как раз предельно откровенна. Вам, конечно, это очень неприятно слышать, но мой муж вовсе не охладил ко мне. Он все эти два года был по-прежнему очень внимателен и предупредителен, ни в чем мне не отказывал, дарил цветы и подарки вне зависимости от праздничных дат.

– Но это же понятно почему! – Голос Инессы неприятно завибрировал. – Он просто не хотел, чтобы вы его в чем-то заподозрили!

– А я и не могла его ни в чем заподозрить, потому что... словом, он каждый день... ну... или лучше сказать – ночь... хотел меня... Вы встречались с ним два года, а он приходил домой и... хотел меня! А свое желание и... возможность его осуществления мужчина симитировать не в состоянии, вы же это понимаете...

– Вы... вы специально мне это говорите, чтобы унижить... – почти прошептала Инесса. – Я же проверить не могу...

Майя покачала головой и сказала то, что говорить любовнице мужа вовсе не собиралась:

– Для меня ваша двухлетняя связь с Романом – большая неожиданность, и я тоже ничего не могу проверить. В общем, мы с вами на равных... И поэтому я предлагаю перестать обсуждать то, что нам обоим неприятно, и перейти к делу. Действительно, надо разобраться с паспортом на имя... вы называли какую-то нестандартную фамилию...

– Каплун... – подсказала Инесса. – Каплун Никита Евгеньевич...

Майя похвалила себя за то, что наконец перехватила инициативу. Она еще поборется за своего мужа. Понятно же, что отказываться от жены Роман вовсе не собирается, несмотря на Инессины зеленые глаза и темные прядки волос, стильно падающие на лоб.

* * *

Тамара Ковалева, по мужу – Заботина, ненавидела своего брата Лодика. На самом деле его звали Володей, Владимиром, но детское прозвище Лодик почему-то прилепилось к нему намертво. Вообще-то правильной было бы называть его Лодищем из-за достаточно высокого роста и необъятной толщины. Именно по причине своей необъятности он уже давно не выходил не только за пределы квартиры, но даже и собственной комнаты. Профессия экономиста позволяла ему работать дома, общаясь с работодателем с помощью электронной почты.

Толстым Лодик был всегда. Домашние очень охотно объясняли всем желающим, что у него нарушен обмен веществ. Сам Лодик тоже в этом не сомневался. Тамара же была уверена, что обмен веществ нарушился бы у любого, кто точно так же, как брат, ел бы в три горла. Уже с детсадовского возраста мать наливала сыну супу по самый золотистый ободок в такую же глубокую тарелку, как отцу. Пока Тома с трудом одолевала одну котлету или сосиску, ее младший брат Лодик за это же самое время успевал съесть три. В детстве он постоянно что-то жевал: то горбушку хлеба, то кусок колбасы, то яйцо, сваренное вкрутую, то, прямо из своей объемистой горсти, присланные из деревни сушеные яблоки. В школе на переменах, когда одноклассники под бдительным надзором строгих советских учителей изыскивали любую возможность побегать по коридорам, Лодик сосредоточенно наворачивал принесенные из дома бутерброды. Чтобы никто не просил откусить или, что еще хуже, не отнял, Лодик прятался в

разных потаенных местах школы, пока не нашел абсолютно надежное убежище. В углу рекреации второго этажа школы бюст Владимира Ильича Ленина покоился на поставленном на попу прямоугольном фанерном ящике, красиво задрапированном куском красной ткани. Однажды, пытаясь скрыться от первого хулигана их школы, восьмиклассника Вована Сидорчука, Лодик пробрался в угол за Лениным и был счастлив обнаружить, что постамент Владимира Ильича полый. Мальчик отсидел внутри задрапированного ящика всю перемену, и никто его не нашел. Даже хулиган не мог ожидать от маменькиного сынка и почти отличника Лодика Ковалева подобного кощунства. Лодик же не видел в своих действиях никакого святотатства. Дедушка Ленин, судя по тому, что написано в детских книжках, был добрым, а потому охотно позволил бы прятаться в недрах собственного пьедестала, особенно от таких мальчиков, как Вован, которые плохо учатся, совершенно не занимаются общественной работой и даже не собирают металлолом и макулатуру. Но время шло, Лодик рос и толстел, а фанерный ящик, одетый в яркий кумач, оставался строго неизменных размеров. И однажды случилось то, что должно было случиться. На одной из школьных перемен Лодик забрался в ленинский ящик для поедания очередного сытного бутерброда с докторской колбасой, где и провел время с большой для себя пользой. Вылезти же обратно изрядно растолстевший мальчик не смог. Пыхтя и сопя, он ворочался в своем убежище, раскачивая его до тех пор, пока гипсовый бюст дедушки Ленина не рухнул на пол, разбившись на крупные омерзительные осколки. Тамара потом с ужасом вспоминала, как уборщица тетя Зина складывала в свое ведро отдельно взятые гипсовые глаза, нос с верхней губой, нижнюю губу с острой бородкой под нею и особенно страшный по причине малой поврежденности круглый ленинский затылок.

Застрявшего в ящике Лодика собственноручно совместными усилиями вытаскивали завуч школы Генриетта Аркадьевна и директор Иван Степанович, кабинеты которых находились как раз напротив бюста вождя пролетариата, а потому они первыми выскочили на шум. Тамара слышала, как вечером того же дня родители разговаривали о том, что с Лодиком надо что-то делать. Она, правда, считала, что брата следует просто посадить на голодный паек, и все образуется, но мама почему-то убеждала отца, что сына стоит перевести в другую школу. В конце концов Лодик был действительно переведен в школу в соседнем районе, куда ему приходилось топать своими толстыми ногами лишних два квартала. А ходил он все хуже и хуже. На ногах, которые неимоверно терлись друг о друга своими жировыми отложениями, возникали плохо заживающие раны. Ожирение, в котором уже никто не сомневался, хотя продолжали стыдливо называть нарушением обмена веществ, в советские времена практически не лечили, прописывая всем одно и то же: строгую низкокалорийную диету. Это назначение было для Лодика страшной самой болезненной медицинской процедуры. Он не мог есть мало. Есть он хотел всегда и продолжал есть, несмотря на то что объем талии уже превосходил пределы разумного. К незамысловатым прозвищам типа Жиртрест и Мясокомбинат он привык до такой степени, что они его давно не обижали. Зовут же одного из одноклассников Жабой, а он ничего, живет себе и в ус не дует.

Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы у разжиревшего до бегемотоподобного состояния молодого человека возникла какая-нибудь романтическая привязанность. Впрочем, у него она, конечно, возникнуть могла, только ни одна из девушек никогда не стала бы записывать в герои своего романа Владимира Ковалева, на которого неприятно смотреть. Дружеских привязанностей у Лодика тоже не было. Он все время бывал один. Сам по себе. Со своими вечными бутербродами.

То, что Лодик выглядит не лучшим образом, нравиться Тамаре, разумеется, не могло. Утешало то, что он младше ее на пять лет, а потому отсутствие у него друзей ее не волновало. Вот если бы брат был на пять лет старше, тогда это могло бы принести некоторые огорчения. Кто-нибудь из друзей старшего брата вполне мог бы стать предметом обожания Тамары, но товарищи младшего не интересовали в принципе.

Пока родители были живы, Тамаре по разным причинам не удалось устроить свою личную жизнь. Когда ей исполнилось двадцать шесть, неожиданно от сердечного приступа умер отец, который до этого вообще никогда ничем не болел и ни на что не жаловался. Очень скоро вслед за ним ушла и мама. Поговаривали, что она умерла от тоски по мужу, которого очень любила. Тамара находила это справедливым. Немного оправившись от похорон и переживаний, она вдруг осознала, что, по сути дела, является уже самой настоящей старой девой, не имеющей никаких привязанностей и отягощенной заботой о младшем брате, висящем на ней во всех смыслах тяжкой многопудовой гирей. Лодик, в уме которому никто не отказывал, умудрился заочно окончить финансово-экономический институт, но на службу устроиться не мог, поскольку в перестроечные времена работу на дому было практически не найти, да он особенно и не старался. Ему казалось вполне комфортно проводить целые дни у телевизора или за книгами, благо родители оставили детям в наследство очень хорошую библиотеку. Тамара выбивалась из сил, чтобы прокормить себя и невероятно прожорливого брата, но Лодика это нисколько не тревожило. Он настолько привык, что о нем постоянно кто-то заботится, что усилий Тамары не замечал, принимая их как должное. Поскольку родители приказали долго жить, старшая сестра, с его точки зрения, просто обязана была перенять у них эстафету заботы и продолжать обеспечивать брату приличное существование.

Но очень скоро, будто в награду за пережитое, Тамаре встретился человек, которого она полюбила со всем пылом истосковавшейся по романтическим чувствам души. Николай Зоботин был телефонным мастером, которого однажды вызвали для устранения неисправности в аппарате. После того как Николай сделал для их телефона все, что мог, Тамара предложила ему выпить чаю с блинчиками. Она напекла их для Лодика, который изводил ее просьбами о них целую неделю. Тамара пыталась убедить брата, что мучное ему особенно вредно, но потом поняла, что лучше накормить его блинами, нежели слушать каждый день, как Лодик ноет и канючит, будто неразумное дитя. Николай за разговором, который в нужное русло умело направляла Тамара, съел почти все блинчики, а когда понял, сколько умял, рассмеялся и заявил, что теперь является Тамариным должником, а потому в удобный для нее день приглашает в кафе «Ласточка», где всегда есть неплохой выбор пирожных.

Так и завязалось знакомство, которое очень быстро перешло в ту стадию, когда двум влюбленным необходима крыша над головой. Николай сразу дал понять Тамаре, что намерения у него самые серьезные, но загвоздка в том, что плохо с жилплощадью, поскольку он живет вместе с родителями и семьей брата в малогабаритной «двушке». Тамару это его заявление нисколько не смутило, так как она хоть и жила тоже в двухкомнатной квартире, но с большими светлыми помещениями и только вдвоем с братом. Одна комната в двадцать три метра с лоджией была полностью в ее владении. К тому времени Николай так еще и не познакомился с Тамариным братом, поскольку тот во время его приходов к невесте никогда не выходил. Новобрачный жених видел в этом самое благородное проявление особо деликатной натуры Владимира и был уверен, что без труда поладит с ним. Чтобы два нормальных мужика да не договорились между собой – такого и быть не может!

Тамара и Николай решили не устраивать пышную свадьбу. Расписались в районном ЗАГСе и скромно отметили бракосочетание все в том же кафе «Ласточка» с самыми близкими людьми. Лодик на свадьбе не был. Тамара объяснила это немногочисленным гостям его крайним нездоровьем. Учитывая, что здоровым болезненного ожиревшего брата назвать нельзя, выходило, что она почти не покривила душой.

Когда молодые, отгуляв в кафе, явились в квартиру Тамары для законного совместного проживания, «больной» Лодик вывалил свое дико тучное тело в коридор, чтобы встретить новобрачных. Мало сказать, что явлением брата жены Николай был потрясен. Он совершенно растерялся, поскольку никогда в жизни не видел такого толстого человека, разве что на картинках в журналах. Он тут же уверил себя, что не в толщине дело, что ее, эту самую толщину,

можно и простить человеку за хороший покладистый характер, самые лучшие черты которого Владимир проявлял, пока он, Николай, ходил в женихах. Но тот, кого муж сестры уже готов был полюбить от всего сердца, вдруг высоким бабьим голосом заявил, что требует, чтобы всякие мужья не вздумали считать себя хозяевами в квартире его родителей. Сразу после этого он спиной не без труда пропихнулся обратно в свою комнату, демонстративно хлопнув дверью.

Тамара тут же махнула вслед ему рукой, сказав Николаю: «Не обращай внимания», и потянула молодого мужа в свою комнату, пребывание в которой сулило ему столько приятного, что он тут же забыл про явление недовольного толстяка.

Каково же было удивление Николая, когда в самый интимный момент дверь в комнату открылась, послышался щелчок выключателя, и помещение озарила люстра аж в пять рожков. Не сообразив даже как-то прикрыться, Николай оторвался от жены и уставился на дверь, весь проем которой заполнила человеческая туша. Туша, имевшая наверху два небольших, но зорких глаза, внимательно осмотрела открывшийся вид, никак не выразила своего удовольствия или, напротив, неприязни от увиденного, открыла рот и произнесла, с точки зрения Николая, праздновавшего первую брачную ночь, совершеннейшую чушь:

– Томка! Я есть хочу!

Тамара, кое-как прикрыв самое сокровенное хвостом одеяла, крикнула:

– Совсем с ума сошел, Лодик! Немедленно выйди вон!

– И не подумаю, – спокойно проговорил тот, которого, к удивлению Николая, странно назвали Лодиком, протиснулся в дверь и уселся на стул прямо напротив молодоженов. Стул по-стариковски крикнул, но все же выдержал непомерную тяжесть тела, которое подошедшим тестом сползло с его сиденья. – Вы, Томка, натрескались на своей свадьбе, а мне ты оставила только несколько сосисок и макароны. Я их съел давно.

– Так поди и сделай себе... ну я не знаю... яичницу, что ли... – раздраженно ответила ему Тамара.

– Яичницы мало! Я уже часа три как голодный!

– Ну и что!

– А ничего! Ты должна обо мне позаботиться! Я тебе не чужой!

– Послушай, братец... – Николай решил назвать этого Лодика нейтрально – братец, не в том смысле, что он Тамарин брат, а просто употребив это слово всего лишь как довольно распространенное обращение к молодому человеку мужского пола.

– Я вам не братец! – визгливо выкрикнул Лодик и опять как ни в чем не бывало обратился к Тамаре: – Давай, Томка, по-быстрому, а то уже совсем сил нет терпеть.

– Пошел во-о-он! – не менее визгливо отозвалась Тамара.

Николай с неудовольствием отметил, как похоже интонировали брат и сестра, потом спустил ноги с дивана, натянул брюки от свадебного костюма прямо на голое тело, встал перед Лодиком во весь свой немаленький рост и, стараясь не выходить из себя, сказал, особенно выделив голосом все то же слово «братец»:

– Тебе, братец, лучше уйти отсюда. Здесь, понимаешь ли, обосновалась семья, ячейка... так сказать... общества... и ты не имеешь никакого права нарушать неприкосновенность нашей частной жизни...

Лодик посмотрел на Николая взглядом олигофрена, каковым вовсе не являлся, и опять обратился к сестре:

– Ну, Томка, сколько можно тебя просить!

Тамара некрасиво взвыла, а Николай подскочил к ее брату и попытался взять его, что называется, за грудки, чтобы вышвырнуть из комнаты, но потерпел полное фиаско. «Грудки», конечно, нашлись, взяться было за что, но оторвать тушу Лодика от стула оказалось невозможным. Сам Лодик во время позорных потуг муженька сестрицы даже не удостоил его взглядом. Уже совершенно разъяренный Николай, размахнувшись, с большим наслаждением стукнул

кулаком по этим самым «грудкам», но тоже, похоже, без всякого успеха. Кулак глухо ткнулся в нечто неприятно-мучнистой консистенции, живо напомнившее Заботину муляжи, на которых в армии они отрабатывали надевание противогазов на головы гражданскому населению, пострадавшему от воздействия отравляющих веществ. Как на бесчувственные муляжи никакие ОВ не могли подействовать, так и на Лодика воздействие почти железного кулака Николая не произвело особого впечатления: жировые отложения легко нейтрализовали удар.

– Не связывайся с ним, Коля, – сказала подошедшая к ним Тамара, уже одетая в халат. – Лучше я сделаю ему поесть, чтобы отстал.

Конечно, на следующий же день Заботин врезал в дверь Тамариной комнаты французский замок. Открыть его Лодик не мог, но по-прежнему позволял себе ломиться к молодоженам с требованием еды в любое время дня и ночи. Он стучал в дверь то кулаками, то ногами и самым противным голосом требовал поесть, сколько бы еды сестра ни оставляла ему как раз на такие случаи. Тамара пыталась проводить с ним воспитательные беседы, но каждый раз при упоминании Николая и законного брака с ним лицо Лодика принимало то самое олигофреническое выражение, которое в первый день знакомства с братом жены так поразило Заботина.

– Если он не полный придурок, каким прикидывается, – сказал однажды жене Николай, – это означает, что он просто хочет выкурить меня отсюда, как зловредную осу!

– Ну потерпи, Коля, – взмолилась Тамара, – он привыкнет к тебе, вот увидишь!

– Этот? – Николай с самым саркастическим выражением лица указал на стену, за которой находилась комната Лодика. – Этот трутень вовсе не собирается ко мне привыкать! Он привык, чтобы ты на него работала, как батрачка-поденщица, и уступать тебя мне не собирается ни за какие коврижки!

– Но что же делать-то? Не могу же я его выставить из квартиры! Он здесь прописан в конце концов!

– Откуда я знаю, что делать! Но ты дождешься, что я его как-нибудь прирежу... Хотя... черт его знает, может, он бессмертен!

– Ну что ты такое говоришь, Коля... – почти прорыдала Тамара.

Николай походил по комнате, то сжимая, то разжимая кулаки, которые никак не могли ему пригодиться в борьбе с братом жены, а потом подсел к Тамаре на диван и предложил:

– Слушай, Томусик! А давай разменяем квартиру на две комнаты в разных районах, и пусть твой братец поживет-ка один!

– Коля! – Тамара даже перестала всхлипывать. – Во-первых, Лодик один не выживет! Он совершенно не знает жизни! Он несколько лет не выходил из квартиры даже на лестницу! Он даже не знает, где купить хлеба и сколько он сейчас стоит! И потом, отдельная квартира – это все же квартира... Ты представь, как жить в коммуналке, когда у нас с тобой появятся дети... Стирка пеленок... купание... И все это в местах общего пользования, где полная антисанитария, да?

– Почему обязательно антисанитария?! Между прочим, наши родители много лет прожили в коммуналках, и ничего... как-то нас вырастили и на антисанитарию не жаловались! А твоему Лодику... полезно наконец узнать, где хлеб продается и сколько стоит! – Николай хотел к своей речи присовокупить какое-нибудь крепкое словцо, но вдруг понял, что чуть не пропустил нечто интересное. Он обнял жену, прижал к себе и, интимно дыша ей в ухо, спросил: – А что, Томусь, ты уже... того... да?

Тамара вскинула на мужа непонимающие глаза, но тут же сообразила, что он имеет в виду.

– Нет... еще нет... – смущенно ответила она. – Но это же когда-нибудь случится... ты же понимаешь...

– Эх, жаль, что еще не-е-ет, – протянул Николай и добавил: – Но... с другой стороны... можно еще поработать над этим вопросом, а? Как ты считаешь? Можно прямо сейчас...

И они поработали... И даже Лодик в тот момент к ним не ломился, но работа супружеской пары успехом в тот день не увенчалась. Собственно говоря, успехом она так и не увенчалась вообще. За полугодие совместно прожитой с Заботиным жизни Тамара почему-то не смогла забеременеть, хотя врачи убеждали, что все у них с мужем нормально. Говорили, что такое бывает: нет-нет детей, а потом вдруг – раз – получите, распишитесь, а потому не стоит гнать лошадей, надо просто еще подождать.

Заботин ребенка не дождался. Его отношения с Лодиком накалились до такой степени, что он стал плохо спать и выглядел, будто тяжелобольной. Лодик же, наоборот, чувствовал себя очень неплохо, его мучнистое желтоватое лицо даже слегка порозовело, чего ранее никогда не наблюдалось.

– Этот гад высасывает из меня жизнь, – жаловался жене Николай. – Ты только посмотри, на кого я стал похож... – Он показывал Тамаре, как болтаются на нем брюки. – А он только пухнет, как на дрожжах! Скоро в двери пролезать не будет, и тебе придется не только еду ему в комнату подавать, но и сортир прямо там устраивать!

Ничего, кроме «Ну что ты такое говоришь, Коля!», Тамара сказать мужу не могла. Она и сама уже с трудом держалась молодцом в том аду, который ей с мужем устроил братец, но не видела выхода из создавшегося положения. Лодик уже и в ней вызывал раздражение самого серьезно свойства, но она чувствовала за него ответственность перед ушедшими из жизни родителями. Бросить его она не могла, перестать за ним ухаживать – тоже. Она металась между мужем и братом, пытаясь сгладить конфликт, который на самом деле никакому сглаживанию уже не подлежал. И однажды, вернувшись с работы несколько позже обыкновенного, вместо любимого мужа обнаружила на столе в комнате записку: «Я ненавижу твоего брата! Боюсь, что подсыплю ему в жратву крысиного яду. А еще боюсь, что возненавижу тебя вместе с ним. Лучше нам пожить пока отдельно».

Первым делом Тамара бросилась звонить друзьям в надежде на то, что Заботина удастся у кого-нибудь обнаружить, как-нибудь переориентировать и вернуть домой. Она была даже согласна забрать мужа в состоянии самого отвратительного алкогольного опьянения. Не удалось. Ни один приятель не знал, где находится Николай. Позже выяснилось, что он уволился и из мастерской по ремонту телефонов и вообще уехал в другой город.

Тамара много плакала, пеняла брату и даже не кормила его из принципа почти два дня. Обнаружив, что он грызет сухие макароны, сжалась и сварила ему то, что осталось от початой пачки. От Николая она больше не получила ни одной весточки. Он исчез из ее жизни навсегда.

Лодик, утратив предмет для приложения изощренных издевательств в лице Николая Заботина, тоже как-то сдал, скуксился, если можно применить такое выражение для огромной туши, и перестал розоветь лицом. Двадцатилетний молодой человек неожиданно принялся стареть: резко поседел, на крутом толстом лбу появились глубокие, лоснящиеся морщины и залысины, уходившие длинными мысами прямо к жирному многоярусному затылку. Тамара, грешным делом, даже подумывала, не идет ли дело к концу, надеясь, что организм Лодика больше не в состоянии выдерживать нагрузку в виде собственного веса. Но брат вскорости оправился, замер в определенной степени поседения и сморщивания и продолжал требовать себе еды и зрелищ, а именно – кассет для видеомэгнитофона, который успел купить для семьи Николай.

В конце концов Тамаре удалось заставить Лодика работать. Она сама нашла для него место экономиста в одной из множества образовавшихся фирм. Деньги брат стал зарабатывать неплохие, но любви сестры это не прибавило. Тамара жгуче ненавидела его за изломанную жизнь. Кроме Николая, она так и не смогла никого полюбить, несмотря на то что несколько мужчин пытались добиться ее благосклонности. Возможно, подспудно женщина боялась, что ничего не выйдет ни с одним из претендентов на ее руку и сердце, поскольку отвратительного

жирного Лодика совершенно некуда девать. Даже если мужчина, с которым она согласится связать свою судьбу, окажется с квартирой, она все равно будет вынуждена бегать к брату, который растолстел уже до такой степени, что, как и прогнозировал Николай, не пролезал в дверь собственной комнаты и стал теперь ее пленником. Ему действительно пришлось соорудить отхожее место из старого бака для кипячения белья, который Тамаре приходилось выносить, мыть и чистить. Его комнату заполнил невыносимый застоявшийся запах общественного туалета, который грозил в скором времени пропитать всю квартиру. На работе или в других общественных местах бедная женщина постоянно принохивалась к себе: не пахнет ли от нее так же, как от ненавистного Лодика, определить этого не могла и жутко комплексовала. Понятно, что в таких условиях не могло даже речи идти о каком-то устройстве личной жизни. Тамара пыталась выглядеть прилично: ежемесячно обновляла стрижку в дорогом салоне, покупала модные стильные вещи, несмотря на то что отлично шила сама, и даже однажды решилась нарастить ногти, но при этом продолжала чувствовать себя никому не нужной, несчастной и несправедливо обиженной судьбой. На мужчин она, конечно, поглядывала, но старалась это делать незаметно. К чему призывные взгляды, если она повязана по рукам и ногам своим братом Владимиром? Да и кому она нужна, измученная тяжким бытом и уже немолодая женщина? Разве она сможет поверить кому-нибудь после предательства Николая? Она была уверена, что он любит ее, – а он ее бросил, оставив один на один с гнусным Лодиком! Да и столько лет прошло, что она просто разучилась общаться с мужчинами, особенно один на один.

Тамара Ивановна Заботина преподавала технологию швейных изделий в колледже технологии и дизайна, который иногда называли инженерной школой одежды, где учились в основном девушки. Преподавателями, естественно, тоже были большей частью женщины, если не считать полковника в отставке Мозгалева Дмитрия Ерофеевича, который вел ОБЖ, и физкультурника Вадика. К Мозгалеву, смешному коротконогому старику, все в колледже давно привыкли, а поначалу бились над загадкой, каким образом столь мухортенький мужичонка смог дослужиться до полковника. Вадик, напротив, был излишне долговязым, тощим и сутулым. Сутулость, как, впрочем, и излишняя худоба, не к лицу преподавателю физкультуры, но другие в девчачий колледж работать не шли, и администрации приходилось довольствоваться тем, что есть. Именно поэтому приход в колледж преподавателя математики Ильи Петровича Садовского, вполне приличного мужчины с висками, элегантно тронутыми сединой, взбудоражил весь женский коллектив. Не только преподавательский состав. Даже девушки как-то приободрились и перестали прогуливать математику, которую до этого считали необязательным предметом.

Тамаре тоже с первого взгляда понравился Илья Петрович, но она ни на что не рассчитывала. Во-первых, у нее на руках Лодик. Во-вторых, то же самое! И в-третьих! И в-десятых! Кроме того, такой симпатичный мужчина в летах непременно должен быть женат и отягощен детьми, а семья – это святое, и разрушать ее она ни за что не станет. После мыслей о разрушении чужой семьи Тамара Ивановна посмеялась над собой, поскольку никто не склонял ее к разрушению и вряд ли примется склонять. Кому она нужна-то, старая вешалка? Уж никак не Илье Петровичу, на которого, фигурально выражаясь, уже разинул рот весь педагогический коллектив колледжа технологии и дизайна. А среди преподавательниц есть такие стильные штучки, что о-го-го! Одна тридцатипятилетняя англичанка Регина Константиновна чего стоит! Мало того что Регина была стройна, полногруда и симпатична – не далее как в прошлом году она развелась с мужем и сосредоточенно искала ему замену, ибо, по собственному ее утверждению, не привыкла существовать без мужчины. Даже если предположить, что математик Садовский в данный жизненный момент холост, на что Тамаре уже намекала русичка Зинаида Семеновна, понятно, на кого он скорее обратит внимание, – разумеется, на Регину. И Тамара старалась лишний раз не поднимать на Илью Петровича глаз.

Но однажды Тамаре и Садовскому пришлось вместе сопровождать на городские соревнования по легкой атлетике девушек из групп, в которых они были кураторами, или, как сами предпочитали говорить, классными руководителями. Англичанка Регина поехала с ними, так как ее девчонки тоже добились права выступать на этих соревнованиях. Тамара старалась быть как можно незаметнее, специально садилась поближе к тем девушкам, которые дожидались своей очереди на забег или прыжок, лишь бы подальше от Садовского и Регины. Пусть коллеги в неформальной обстановке познакомятся поближе, приглядятся друг к другу и, возможно, наладят романтические отношения, коли уж оба свободные люди.

Девушки из колледжа технологии и дизайна взяли два первых места в забеге на пятьсот метров и второе – в метании гранаты. Когда отправили победительниц, да и всех остальных спортсменов по домам, Регина предложила зайти в кафе, чтобы отметить победы подопечных.

– Я не могу, – сразу сказала Тамара.

– Что, опять братику нездоровится? – радостно спросила англичанка, явно надеясь на то, что наконец останется с Садовским без посторонних глаз.

Чтобы избежать досужих вопросов, Тамара давно объявила в колледже, что брат у нее неизлечимо болен самой тяжелой формой диабета. Чем он болен на самом деле, сослуживцам знать вовсе не обязательно.

– Да, он опять не в лучшей форме, – ответила она, махнула рукой и вскочила в подъехавший автобус.

На следующий день в преподавательской, захлебываясь от восторга, Регина рассказывала, как они хорошо вместе с Садовским посидели в кафе. Последним, что услышала Тамара, выходя в коридор, была фраза:

– Девочки! Уверяю, у нас все на мази!

Возле столовой, где собралась выпить чаю перед следующей парой, Тамара Ивановна неожиданно столкнулась нос к носу с самим Ильей Петровичем. Женщине вдруг сделалось неловко оттого, что она знает о том, каким замечательным образом устроились его отношения с Региной. Англичанка ничего и не скрывала, но Тамаре казалось, будто она подглядывала за ними в замочную скважину.

Садовский церемонно пропустил ее в дверь вперед себя. А когда сел за столик для преподавателей и оказался рядом с ней, вместе с салатом из свежей капусты и яблочным соком, вдруг неожиданно сказал:

– Мне кажется, вы избегаете меня, Тамара Ивановна... Я в чем-то перед вами провинился и не заметил этого?

Тамара бросила на него быстрый взгляд, так же быстро опустила глаза к собственной чашке и смущенно произнесла:

– Нет... ну что вы... – после чего ей стало стыдно за то, что она как-то некрасиво мямлит (а это, разумеется, выдает ее интерес к математике с головой), и преувеличенно бодро произнесла: – Конечно же, вы ни в чем не провинились! С чего бы вдруг!

– Это здорово, что я ошибся. – Садовский улыбнулся, отпил сока и опять спросил: – Как ваш брат? Ему лучше?

– Да-да... Ему полегчало... – безлико ответила Тамара и решила не допивать чай, чтобы уйти из столовой побыстрее. Она уже хотела встать из-за стола, но была пригвождена к стулу очередным вопросом Ильи Петровича:

– Тогда, может быть, мы сегодня сходим с вами в кафе, раз уж вы вчера не смогли? Надо же и вам отметить победу ваших красавиц! Ведь именно в вашей группе два первых места!

Тамара посмотрела на него с таким удивлением, будто он приглашал ее не в кафе в родном городе, а в туристическое путешествие напрямик в систему альфы Центавра. Видимо, она выглядела довольно уморительно, поскольку Садовский уже откровенно рассмеялся и задал очередной вопрос:

– Чего вы боитесь, Тамара Ивановна?

– Я? – глупейшим образом переспросила она и поспешила добавить: – Я ничего не боюсь...

Математик убрал улыбку и уже совершенно серьезно сказал:

– Тогда я вас жду сегодня вечером, в семь часов, у входа в ресторан «Золотая долина». Форма одежды – парадная!

– В ресторан... – прошептала Тамара. – Вы же сказали в кафе...

– А я передумал, – заявил Садовский, первым встал со стула и покинул столовую. Рядом с полупустой чайной чашкой Тамары Ивановны так и остались стоять нетронутый капустный салат и ополовиненный стакан с яблочным соком.

* * *

Уже в шесть часов вечера Тамара поняла, что обязательно пойдет к ресторану «Золотая долина» во что бы то ни стало. Всему свету назло! Во-первых, назло Регине, которая возомнила то, чего явно не было и в помине. Во-вторых, назло коллективу колледжа, который считает ее странной дамой с большим прибабахом. В-третьих, Лодику! В-четвертых – тоже ему! А в-пятых, назло себе: назло собственным тревогам, комплексам и неуверенности. Пусть у нее будет один вечер, но счастливый. Она вообще на все согласится... На что «все»? На все!!! Садовский не юнец, чтобы приглашать даму в ресторан, а потом за ручку отвести домой. Он наверняка предложит «продолжение банкета». А она, Тамара, возьмет и согласится... Почему бы нет? Что она потеряет? Только приобретет! А что именно? То, чего у нее очень давно не было... С тех самых пор, как ее бросил Николай...

* * *

– Вы прекрасно выглядите, Тамара Ивановна, – сказал Садовский и вручил ей букет красных гвоздик. Гвоздики ей не понравились. Слишком тривиальны. Впрочем, откуда Илье Петровичу знать, что для нее этот поход в ресторан – действие необычное, а гвоздики сразу его заземлили. Хотя... С другой стороны, именно это и неплохо. Пусть все сразу станет на свои места. Разве преподаватель колледжа технологии и дизайна может предложить женщине нечто неземное? Вряд ли... Наверняка все будет стандартно: закажет шампанское, салат «Цезарь», запеченное мясо и мороженое в шоколадной крошке. А потом по-простому предложит: «Поехали ко мне». И что, она прямо так и поедет? А что ей делать?! Она же уже все решила.

– Вам очень идет этот цвет, – опять сказал Садовский.

Цвет Тамаре не шел. Она это знала. Кардиган в болотных тонах убивал все краски ее лица, но очень стройнил. Женщина долго думала, чем пренебречь: лицом или фигурой, и остановилась на лице. Наверно, зря... Когда она сядет за стол, фигуру будет почти не видно, а вот лицо... Но мужчина же хвалит... Да, он еще дарит погребальные гвоздики... Ну и что?! Пусть мужчина без фантазии – зато ее! Пусть на вечер! У нее тысячу лет не было подобных вечеров...

Фантазия Садовского оказалась еще хуже, чем предполагала Тамара. Он заказал даже не салат «Цезарь», а оливье, лангет без прибабасов и мороженое без шоколада. Шампанское было, да. Но без него уж совсем не комифо...

Разговор тоже шел простенький: о делах колледжа, о соревнованиях по легкой атлетике, о грядущем отпуске. В общем, ничего значительного. Тамара разглядывала Илью Петровича и думала о том, что и в нем-то нет ничего замечательного. Он так же прост и тривиален, как букет гвоздик и салат оливье. Только в колледже, где почти совсем нет мужчин, этот рак и

сошел за рыбу. И чего красавица Регина на него запала? Такие, как Садовский, предназначены как раз для того, чтобы скрашивать вечера битых жизнью одиночек вроде нее, Тамары.

Когда дольше сидеть за пустым столом было уже неприлично, Илья Петрович как-то потух взглядом и сказал то, чего женщина с давно уже потухшими глазами вовсе не ждала:

– Я вижу, что совсем не понравился вам. Похоже, ударил в грязь лицом, да?

Тамара дрожащими пальцами зачем-то расстегнула верхнюю пуговицу своего болотного кардигана и пожала плечами, что можно было воспринять по-разному, начиная от «Ну что вы! очень понравились!» и заканчивая «Конечно, нет! Кому такой понравится-то!».

– Честно говоря, я давненько не был в ресторанах... – зачем-то сказал Илья Петрович. – Заказал, наверно, не то... не шикарно... да?

Тамара подумала, что даже салат оливье стоит преподносить даме с достоинством, будто так и надо, будто это самая лучшая и дорогая закуска в мире. Чего уж виниться-то постфактум?

– Простите, в общем... – продолжил Садовский, кивнул на цветы, которые официант поставил в вазу, и добавил: – Розы, наверно, надо было купить... Вы ведь наверняка любите розы...

– Они быстро вянут, – отозвалась Тамара, чтобы как-то его утешить. Вообще-то ей не хотелось утешать, ей хотелось, чтобы этим вечером мужчина был ее царем и господином, но, видимо, не судьба. Цари и господа – это для других. А для нее – этот немолодой преподаватель с поседевшими висками и в плохо отглаженной рубашке. Да! Она только сейчас заметила, как некрасиво топорщится воротничок. Да Садовский же не просто холост! Он одинок, он страшно одинок! Как и она, абсолютно в себе не уверен, так же комплексует и именно поэтому не смог поверить в то, что красотка Регина на полном серьезе строит ему куры. Он наверняка решил, что англичанка – слишком высокий уровень, что его удел – такие серые лицом женщины в болотных кардиганах. Похоже, он только прикидывался брутальным мачо, когда решительно назначал встречу у ресторана. Даму надо везти в ресторан в такси, а не заставлять добираться до него на своих двоих или в городском транспорте! В общем, они друг друга стоят: она, Тамара, и он, Илья Петрович Садовский.

– Да, вянут... но есть же какие-то удобрения... Знаете, в цветочных магазинах продают в таких маленьких пакетиках? Всыпал в воду – и порядок! Впрочем, о чем это я... – совсем смешался математик. – Зачем-то об удобрениях завелся... идиот... хороша темка... – Потом он посмотрел на нее совсем больным взглядом и добавил: – И конечно, вы сейчас пойдете домой...

– А вы можете предложить что-то другое? – на всякий случай решила спросить Тамара.

– Ну... я мог бы пригласить вас к себе... так сказать... на чашку чая...

– Раз можете – приглашайте! – Тамара сама удивилась той решительности, с которой это произнесла. Впрочем, она ведь именно такого приглашения и ждала. Чего ж отказываться! Пусть этот мужчина не так хорош, как хотелось бы, но и она – не лакомый кусочек...

До дома Садовского они ехали на такси. Илья Петрович все же догадался его вызвать. Наверно, чтобы хоть как-то сгладить неловкости этого вечера. Они почти не разговаривали, и Тамара уже с настоящим ужасом ждала того момента, когда они наконец приедут. Как себя вести в его квартире? Конечно, они едут не чай пить. Оба очень даже наелись салатом оливье, мясом и мороженым. Чая, правда, не было, зато пили кофе. Они едут за... Да! За этим, за самым! За интимом! А как к нему приступить? Это ж с бывшим мужем Николаем все получалось естественно и непринужденно, потому что по любви. Впрочем, почему с бывшим мужем? Они ведь с Заботиным так и не развелись. И где ты сейчас, Николай?

Чтобы не разреваться некстати, Тамара очень резво выскочила из такси и принялась глубоко дышать, чтобы установилось спокойное дыхание. Расплатившись с водителем, Садовский осторожно взял ее за локоток и повел к своему подъезду.

Однокомнатная квартира Ильи Петровича очень подходила к его рубашке с неправильно заглаженным воротником. Она была какой-то неправильной, как у всех холостяков. Вроде бы и прибрано, и не грязно, а жилище все равно выглядит неухоженным и неуютным.

– Ну что, чаю? – спросил Садовский и, не дожидаясь ответа, отправился на кухню.

Тамара видела, что у него покраснела шея. Она подумала, что Илья Петрович, наверно, вспотел от излишнего напряжения. Противно ли ей это? Если вообще, умозрительно – то да, противно. А кому не противны потные люди? А если в свете предстоящего интима, то, пожалуй, нет. Как ни странно... А может, это вовсе и не странно? У нее так давно не было мужчины, что она хочет... любого... Вот ведь как получается... Ее всегда раздражали девчонки из колледжа, которые вместо «он мне нравится» или «я его люблю» говорили «я его хочу». Сейчас педагог Тамара Ивановна Заботина очень понимала своих подопечных. Может быть, молодежь не столько цинична, сколько честна? Любовь, похоже, не каждому в жизни выпадает или бывает дарована только один раз, как, например, ее чувство к Николаю, а жить-то надо, физиологию со счетов не сбросишь...

И Тамара крикнула Садовскому, скрывшемуся в кухне:

– Не надо чая! Лучше дайте чистое полотенце!

В дверном проеме показалась совершенно изумленная физиономия математика. Похоже, он не ожидал от коллеги такой прыти. Это почему-то рассмешило Тамару, она почувствовала себя хозяйкой положения и уже без тени смущения сказала:

– Мы оба знаем, зачем я сюда приехала, а потому предлагаю приступить прямо к процессу, без чая.

Садовский кивнул, бочком прошел мимо женщины и выдал полотенце, избегая смотреть ей в глаза.

– Когда я выйду из ванной, хотелось бы, чтобы постель была уже готова, – по-деловому сказала Тамара и скрылась за дверью.

Илья Петрович исполнил ее приказание. В комнате был раскинут двуспальный диван и застелен чистым бельем, видимо, принесенным из прачечной. Оно сохранило заутюженные складки и сильно пахло какой-то химической отдушкой. Тамара поймала себя на том, что срысывает с себя одежду даже с каким-то нездоровым нетерпением. Когда остались одни трусики, она вдруг остановилась и задумалась. Может быть, мужчине, который сейчас принимает душ, хотелось бы самому снять с нее белье... Наверняка... Николай, например, любил ее раздевать сам. Впрочем, Николая уже сто лет как простыл и след... А что любит этот мужчина, ей безразлично. Не для того она сюда пришла, чтобы ему угодить. А для чего? А для того, чтобы он угождал ей! Исходя из последнего соображения, Тамара резким движением сдернула трусики, переступила через них и даже не стала поднимать с пола. Пусть все будет, как в кинофильмах: они раздевались по пути к постели, за ними оставалась дорожка спешно сброшенной одежды... Женщина взглянула на пол, на котором сиротливо валялись ее вывернутые наизнанку трусы. На кадр из фильма это зрелище не тянуло. Она выбралась из-под одеяла, аккуратно положила трусики сверху на остальную свою одежду и опять юркнула в постель. Одеяло приятно обняло обнаженную кожу. Тамара закусила губу, чтобы не издать нетерпеливый стон. Она хочет этого мужчину! Как же она его хочет! Нет, она хочет не именно этого... Любого... Как же это стыдно... и как сладко только представлять то, что сейчас произойдет...

То, что «начало происходить», когда Садовский вернулся из душа, было под стать букету гвоздик и салату оливье, а именно: просто и безыскусно. Самым обидным оказалось то, что мужчина отвалился от Тамары, когда она только-только начала входить во вкус. Она приподнялась на локте и с удивлением посмотрела на того, кто, тяжело дыша, лежал рядом. Глаза его были закрыты, а лицо, как ей показалось, выражало самую крайнюю степень усталости. Если бы Тамара была женой Ильи Петровича, то наверняка чмокнула бы в висок и пожелала спокойной ночи. Но она не жена. Тамара – женщина, изголодавшаяся без мужской ласки, а после

происшедшего между ней и Садовским она чувствовала себя, как Буратино, которому вместо обеда подали лишь три корочки хлеба.

– И что, это все? – спросила она задремавшего мужчину.

Илья Петрович встрепнулся, открыл глаза и непонимающе спросил:

– Надо что-то еще?

Тамара пару минут подумала, как ей теперь его называть: на «ты» или на «вы». С одной стороны, все тот же кинематограф давно научил, что после секса сразу надо переходить на «ты». С другой – они остались абсолютно чужими друг другу людьми. Надо, пожалуй, как-то изворачиваться, чтобы не произносить ни «ты», ни «вы».

– Я ничего не почувствовала, – призналась она, благополучно минуя местоимения.

– Как ничего? – искренне удивился он.

– Так! Женщины устроены несколько сложнее мужчин.

– Да? – В голосе Садовского звучало такое непонимание ситуации, что Тамара искренне его пожалела. Похоже, не только он сам не умел радовать женщин, но и они его никогда не баловали. Тамарина короткая супружеская жизнь в интимном плане была очень счастливой. Они с Николаем настолько любили друг друга (во всяком случае, так она тогда думала насчет мужа), что в постели не испытывали никакого стеснения или неловкости. Уже много позже, посмотрев фильмы с откровенными сценами, Тамара удивлялась тому, что они с мужем все делали правильно, хотя научиться было негде: оба выросли в стране, где под грифом «Дети до шестнадцати» показывали французские комедии и слезливые индийские фильмы. Интуиция и взаимное приятие помогли им быстрее быстрого разобраться в вопросе.

И что теперь? Получалось, что она, поступившись принципами, то есть собственными понятиями о достоинстве и женской чести, взамен этой самой поруганной чести имеет полусонного, сильно удивленного мужчину. Ситуацию срочно требовалось спасти, и она сделает это! Кто знает, когда ей еще доведется попасть в мужскую постель! Может, и никогда. Не молоденькая она уже, да и не красавица, чтобы ее регулярно приглашали в постели. Или даже не регулярно. Ее вообще не приглашают. А потому она выжмет из доставшегося ей мужчины все, что только можно выжать.

Тамара довольно громко хмыкнула, когда вдруг заметила, что даже в мыслях не называет Садовского Ильей или, по-старому, Ильей Петровичем. Он для нее совершенно обезличился. Стал эдаким аллегорическим мужчиной, квинтэссенцией мужского начала и символом маскулинности. Квинтэссенция была, конечно, довольно слабой, а маскулинность не слишком ярко выраженной, зато на аллегорического мужчину Садовский вполне тянул. Тамара хмыкнула еще раз, откинула одеяло, которым аллегорический мужчина уже успел прикрыться, и, несмотря на те препятствия, что он пытался ей чинить, произвела с ним действия, которые сделали бы честь постельной сцене любого порнофильма. В результате этих действий видимый невооруженным глазом признак маскулинности вновь окреп до такой степени, что Тамара, распалив этим и себя до самой крайней степени, наконец получила то, чего так ждала от этого вечера, а потом с самым удовлетворенным видом легла на спину и прикрыла глаза. Сквозь щели между веками она видела, как аллегория мужчины сгруппировалась возле нее почти в позе роденовского мыслителя. Вопрос, который мыслитель изрек после довольно продолжительного обдумывания, был таков:

– Когда мы встретимся еще раз?

* * *

Манька-Прокуратура обходила свои небольшие владения. За зданием той самой городской прокуратуры, которой женщина была обязана своим прозвищем, расположился грязноватый дворик. Его центральным объектом являлась плохо заасфальтированная площадка с кон-

тейнерами для мусора. Приятели Маньки, с которыми она иногда делилась своей добычей или выпивала, сидючи на ступеньках, ведущих в подвал дома, что стоял напротив прокуратуры, незатейливо шутили: в контейнерах находится мусор мусоров. На самом деле не только прокуратура сваливала в них свой хлам, но еще и обитатели трех домов, которые образовывали дворик. В одном из них находилась мастерская по изготовлению деревянных сувениров в русском народном стиле. Работники мастерской относили в помойные контейнеры собственный брак и некондицию, например, ложки с трещинами и щербинами, разделочные доски с дырами от сучков и некрасивыми разводами. Манька-Прокуратура первым делом всегда проверяла, нет ли в помойке отходов сувенирной мастерской, и выбирала все до последней деревяшки. Свои находки она относила на площадь, где властями было выделено место для постоянной выставки картин городских художников и изделий прикладников. Один из них, по имени Валера, всегда охотно покупал почти все, что она приносила. Доски с дырками он так искусно расписывал, что покупатели были уверены: отверстия сделаны специально для придания изделию пушкого шика. Он использовал и ручки от щербатых ложек, перетачивая их в изящные шпильки для волос. Валера охотно брал даже треснувшие шкатулки. Их он специальным образом старил, превращая чуть ли не в антиквариат. Конечно, платил Валера Прокуратуре немного, хотя сам выручал приличные суммы. Поначалу она злилась, пыталась торговаться, но Валера ни на какие торги не шел, а кроме него, никто брак деревянной мастерской у Маньки не покупал.

Свой дворик с такой прибыльной помойкой Прокуратура ревниво охраняла. Конечно, одна она не смогла бы защитить его от мужичья. Даже самые спившиеся бомжи были, конечно, от природы сильнее ее. Но она имела приятеля по кличке Сифон, которого бомжевая братва побаивалась. Когда-то, в лучшие свои времена, Андрей Сифонский занимался боевыми искусствами и до сих пор сохранил широкие плечи и горделивую осанку. Кроме того, два бомжа, «курирующие» помойку в соседнем дворе, были частыми гостями Прокуратуры: именно они выпивали с ней на подвальных ступеньках в отсутствие Сифона и всегда могли защитить ее и помойные баки.

Утро того дня, который опять перевернул с ног на голову уже устоявшуюся жизнь Маньки, ничего особенного не предвещало. Они с Сифоном вылезли через подвальное окно заколоченного двухэтажного деревянного дома, который несколько лет ветшал в одном из дворов, окруженный типовыми многоэтажками. Его давно собирались снести, но городская администрация почему-то медлила. Прокуратуре, которая тогда еще не носила своего звучного прозвища, это было только на руку. Дом она знала как свои пять пальцев, потому что прожила там в квартире на первом этаже первые восемнадцать лет своей жизни. В поисках пропитания Манька, давно и напрочь забывшая прошлую жизнь, случайно набрела на него в те времена, когда богатая помойка с бракованными изделиями сувенирной мастерской еще не являлась ее неоспоримой вотчиной. Она не сразу решилась в нем поселиться, так как он начал пробуждать ненужные воспоминания, но уж когда решилась, вообще запретила себе о чем-либо вспоминать. Она давно научилась так жить – без воспоминаний. Об этом доме Манька подумала, когда они с Андрюхой Сифоном решили объединиться для сожительства. А действительно, почему бы не зажить, как говорится, своим домом! Двухэтажным доминой! Разве не здорово? А то, что когда-то в нем происходило, уж быльем поросло!

Манька обошла дом своего детства и юности, очень внимательно разглядывая доски и щиты, которыми были заколочены окна, поскольку вдруг окончательно поняла, что жить желает только в нем, до тех самых пор, пока его все же не снесут. Доски на одном из подвальных окон показались ей неплотно пригнанными. И действительно, как только она, поднатужившись, посильнее дернула, отошли сразу две доски, открыв дыру, в которую худющая Манька пролезла совершенно запросто. Наверняка пролезет и Сифон, тоже здорово сдавший за последнее время.

В подвале было сыро и холодно, но бомжиха вовсе не собиралась в нем оставаться. Подвальная дверь, скособочившись, висела на одной петле, открывая выход на лестницу. Манька поднялась по пыльным замусоренным ступеням на первый этаж и остановилась напротив двери в квартиру собственных родителей. Она была убеждена, что ничто на этом свете больше не сможет ее не только растрогать, но даже вызвать малейшее волнение, но жестоко ошиблась. У нее непривычно перехватило горло, когда она вспомнила, как отец обивал коричневым дерматином дверь, чтобы не так сквозило с улицы. Этот самый дерматин, выгоревший и истончившийся от времени до состояния пергамента, висел на дверях длинными ключьями, будто его рвала когтями гигантская кошка. Манька, к собственному удивлению, поймала себя на мысли, что с большим удовольствием оторвала бы той кошке ее гнусные когтистые лапы.

Дверь в квартиру оказалась не заперта. Манька осторожно приоткрыла ее и просочилась в щель, будто боялась, что если откроет настежь, то из квартиры вырвется на свободу дух прошлой, вполне счастливой жизни, и она не сумеет его впитать в себя, насладиться им и запомнить навсегда. Ей уже хотелось, чтобы горло еще раз перехватило, и по сильнее, до слез. Что-то она давно не плакала, а ведь всем известно – со слезами уходит часть боли. А разве у нее есть какая-то боль? Казалось, что никакой нет. А в тот момент Манька вдруг отчетливо поняла, что она вся и есть боль, да и родилась вовсе не от женщины, а от боли... Боль от боли... стремящаяся к боли...

Квартира оказалась мертва. Никакому счастливому духу прежней жизни, если таковой и существовал, абсолютно нечего было делать в этой пустой деревянной коробке, разделенной на отсеки. Даже посеребрившие обои Манька не узнавала. То ли родители заклеили другими старые обои с серебристыми виньетками по розовому полю, то ли это сделали новые жильцы, которые, возможно, поселились здесь после родителей. О родительской судьбе Манька не знала абсолютно ничего, и это ее по-прежнему не беспокоило. И опустившуюся женщину, бродившую по полу, хрустящему осколками стекол и всяческими обломками, опять покинула боль. Она захотела плакать и, что самое главное, вспоминать. Бомжам нельзя жить воспоминаниями. Им надо жить сегодняшним днем, иначе можно упустить момент, который наполнит их желудки или карманы или позволит выспаться в относительном тепле и спокойствии.

Отставив в сторону ненужные сантименты, Манька деловито осмотрела территорию. В комнате, которая когда-то была родительской спальней, в окне, по-военному заколоченном досками крест-накрест, полностью сохранилось стекло, а потому она совсем не попорчена дождями и снегопадом. Манька решила, что бывшая спальня спальней и останется. Она натаскала в эту комнату картонных коробок от печенья, конфет и пряников, выпросив их в соседнем продуктовом магазине. Соорудив из них неказистое ложе, укрыла его всяческими тряпками, которые набрала по помойкам.

Первая же ночь, которую она провела в квартире своего детства и юности на импровизированной картонно-тряпичной постели, показалась Маньке такой комфортной, какие наверняка нечасто выпадают и гостям пятизвездочных отелей! Несколько обжившись в своем новом-старом жилище, она самым торжественным образом пригласила туда и Сифона. Эту «свою квартиру» в двухэтажном доме Манька с Сифоном, что называется, берегли пуще глаза, никого в нее больше не приглашали и никому о ней не рассказывали. Понятное же дело: только рас-скажи – тут же весь дом заполнят бомжары со всего города, и его непременно снесут как рас-садник антисанитарии и преступности.

В то знаковое утро, о котором речь шла выше, Прокуратура с Сифоном, большие друзья и любовники по мере необходимости, возле сувенирной мастерской разошлись по своим делам. Сифон подрабатывал на местном рынке грузчиком, куда и направился, а Манька уже почти свернула в арку двора, чтобы пошуровать в своей помойке, но, зазевавшись, неожиданно столкнулась с мужчиной в светлой, а потому казавшейся нарядной одежде. Когда он увидел, на кого по неосторожности наткнулся, громко чертыхнулся, брезгливо поджал губы и, бочком

обойдя бомжиху, пошел дальше. Прокуратура так и осталась стоять в арке, мешая прохожим входить и выходить из нее. Одни, так же как вышеупомянутый мужчина, обходили Маньку боком, стараясь не задеть ни локтем, ни сумкой. Другие ругались и призывали на ее голову все кары небесные. Женщина оставалась недвижимой. Конечно, она могла обознаться, ведь не видела этого человека почти двадцать лет. Но голос... Его забыть невозможно... Знакомая интонация, с которой мужчина произнес «черт возьми!», прямо-таки вырвала Прокуратуру из настоящего и переместила во времена юности.

* * *

...Марусе Климовой было восемнадцать лет, когда она впервые влюбилась. К своим восемнадцати ее подружки влюблялись уже раз по третьему-четвертому, а Маруся лишь с горечью думала, что это чувство, очевидно, решило обойти ее стороной. В самом деле, даже в старших классах школы ей не нравился ни один мальчик. Симпатию некоторые парни, конечно, вызывали, но только лишь как друзья, с которыми можно поболтать, поиграть в волейбол или сходить в кино. Внешне она была не хуже других девушек, а потому молодые люди искали ее внимания и даже объяснялись в любви, но Маруся только посмеивалась в ответ.

С Никитой она познакомилась на овощебазе, куда ее, первокурсницу местного института пищевой промышленности, послали сразу в сентябре. Он там перебирал гнилую морковку в составе бригады первокурсников института транспорта и связи. В один прекрасный момент Маруся взялась за пустой ящик, куда собиралась складывать хорошие, здоровые овощи, одновременно с молодым человеком, и дело было решено. Никита, сразу представившись и поинтересовавшись ее именем, традиционно спросил: «А что вы вечером делаете?», особенно напирая на местоимение «вы», что Марусей сразу было истолковано в его пользу. До этого симпатичного парня все ровесники обращались к ней только на «ты».

– Да... ничего особенного... – проямлила девушка, поскольку сразу поняла, что очень хотела бы провести вечер именно с ним. – Так... телевизор... книги...

– Отлично! – обрадовался Никита. – Телевизор с книгами на сегодня отменяется! Мы с вами идем в кино!

Что за кинофильм они тогда смотрели, Маруся забыла напрочь на следующий же день. То ли он был серым и скучным, то ли она оказалась так поглощена новыми ощущениями первого в своей жизни желанного свидания, что ее совсем не интересовало происходящее на экране.

После совместного похода в кино молодые люди стали встречаться каждый день. Для Маруси перестал существовать остальной мир. Она уже с утра с нетерпеливой дрожью во всем теле ждала вечера, на автопилоте посещая лекции, которые вскоре все же начались после работы на овощебазе. Девушка стала рассеянной, часто отвечала невпопад на самые обычные вопросы. Мать посматривала на нее с большим подозрением, но помалкивала, а подружки напрямую спрашивали, не влюбилась ли она наконец. Маруся только отнекивалась. То чувство, которое она вдруг обнаружила в себе, было настолько сильным, высоким и красивым, что она не могла предать его банальными пересудами. Ей казалось, что так, как они с Никитой, еще никто на свете не любил друг друга, ну разве что легендарные Ромео с Джульеттой, Тристан и Изольда, Шахсенем и Гариб. Вполне возможно, что и о них с Никитой потом сложат какую-нибудь величавую песнь. Только конец ее непременно будет счастливым, поскольку никто никаких препятствий их любви не чинил. Но, видимо, всем великим любовям уготовлен провидением трагический финал. Возможно, в качестве платы за безмерное счастье.

Конечно, расплатилась Маруся вовсе не так, как воспеты в классической литературе влюбленные молодницы. Но ведь никто ее не спрашивал, какой она предпочла бы конец любви и собственной жизни. Да если бы и спросили, она только с презрением отмахнулась бы, ибо ни о каком конце тогда и подумать не могла. Ее счастье должно было длиться вечно.

Маруся даже вышла за Никиту замуж. Им было всего лишь по девятнадцать. Родители с обеих сторон сначала пытались отговорить своих неразумных чад от свадьбы, приводя одни и те же аргументы (рановато... надо сначала выучиться, встать на ноги... может встретиться другой человек, чувство к которому окажется более сильным), но потом отступились, тоже уверовав в неземную любовь молодых и даже несколько завидуя им.

То, что случилось потом, не смогли бы спрогнозировать даже ученые жизнью родители. Сначала, разумеется, ничто трагедии не предвещало. Никите с Марусей как молодой семье предоставили отдельную комнату в общежитии института транспорта и связи. Маруся с жаром и большой охотой взялась за ведение немудреного хозяйства. Никита перевелся на вечернее отделение, а днем работал на соседней стройке сначала учеником каменщика, а потом уже сам клал кирпичи на любой вершотуре. У него это так лихо получалось, что прораб Михалыч даже сумел как-то временно отмазать Никиту от армии, которая ему светила после того, как он покинул дневное отделение института. Выходные молодые супруги проводили только вдвоем, поскольку насладиться друг другом не могли очень долго, и любое третье лицо помешало бы их нирване. Разумеется, оба хотели сначала окончить институты и только потом обзаводиться детьми, а потому предохранялись как могли, и все у них получалось так, как они того желали.

А однажды Никита не пришел ночевать. Маруся сходилась с ума, вместе со своими родителями и родителями мужа методично обзвонила больницы, морг, вытрезвитель и отделения милиции, но следов его так и не нашли. В милиции разъяснили, что в розыск они могут подать только спустя третьи сутки с момента исчезновения, но почему-то были уверены в том, что «пропажа» найдется сама.

И она действительно нашлась. Никита вернулся в общежитие вечером второго дня, когда у жены вместо лица уже красовался бордовый опухший блин с щелочками вместо глаз, расплывшимся носом и искусанными в кровь губами. Объясниться он не пожелал, сказав, что у него были серьезные мужские дела, в которые женщинам лучше не лезть. Что с ним случилось и где он пропадал, не смогли вызнать и его собственные родители. Маруся сначала пыталась продолжать плакать и давить на жалость, но никакого впечатления на Никиту это почему-то не произвело, хотя до этого он был бесконечно нежен, предупредителен и старался ничем жену не огорчать. Тогда Маруся перешла в нападение, обвинив мужа в жестокой измене. От этого обвинения Никита отмахнулся как от жужжащей над ухом мухи и так искренне возмутился: «Да ты что!! Вот это – нет!!!», что она как-то сразу ему поверила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.